

ТОЧКА ОТКАЗА

Рязанов Андрей

18+

Андрей Рязанов

Точка отказа

<https://litres.ru/73822222>

SelfPub; 2026

Аннотация

На дрейфующей арктической платформе создано оружие, способное изменить баланс сил — нейроинтерфейс, превращающий человека в вычислительную систему. Его носитель — инженер по прозвищу Горыныч.

Когда база выходит из-под контроля, начинается охота.

Моссад входит первым. ЦРУ — следом.

Где-то рядом действует невидимый ликвидатор МИ6.

А внутри уже есть предатель.

Связь оборвана. Шторм отрезает пути отхода. Помощи не будет.

Загнанный в угол, Горыныч разгоняет собственный мозг до предела и превращает станцию в оружие: давление, холод, электричество и радиация становятся его инструментами. Но каждая секунда приближает его к смерти.

Когда в игру вступает гиперзвуковая ракета, враги вынуждены объединиться.

Это уже не операция.

Это точка отказа — где ломаются системы, тела и границы человека.

Выживет только тот, кто готов заплатить абсолютную цену.

Андрей Рязанов

Точка отказа

Часть I. Нулевой допуск

Глава 1. Архитектура уязвимости

Термодинамика — бессердечная дисциплина. Она не прощает компромиссов.

Человеческий мозг эволюционировал миллионы лет, чтобы стать идеальным энергоэффективным механизмом. При массе в полтора килограмма он потребляет жалкие двадцать ватт энергии, лениво переваривая визуальные образы, поддерживая моторику и генерируя редкие вспышки абстрактного мышления. Природа поставила жесткий лимит на этот процессор из мяса и нейронов, защитив его черепной коробкой и гематоэнцефалическим барьером.

Нельзя просто взять и заставить двадцативаттный орган обрабатывать терабайты сырых данных, не нарушив законы физики. Когда разгоняешь биологический вычислитель до промышленных мощностей, он начинает закипать. В буквальном смысле.

— Давление в контуре охлаждения штатное. Подача хладагента — ноль целых, три сотых литра в секунду, — голос Горыныча прозвучал глухо.

Он сидел в центре испытательного стенда глубоководной

арктической платформы, принадлежащей АО «ЗАСЛОН». За полутораметровыми титановыми переборками ревели море Лаптевых. Конец ноября, полярная ночь, снаружи минус сорок три по Цельсию и ледяной панцирь толщиной в два метра, сжимающий опоры станции. Но здесь, в герметичной серверной, в самом сердце платформы, пахло озоном, перегретым текстолитом, флюсом и кислым человеческим потом.

Горыныч, сорокалетний ведущий инженер-нейрокибернетик, тяжело дышал. На его голове покоился «Прометей-М» — массивный матово-черный шлем из композитного полимера. От затылочной части тянулась толстая гофра жидкостного охлаждения, уходящая в мобильный компрессор величиной с чемодан.

Внутри шлема сорок тысяч графеновых микроиндукторов, выстроенных в сотовую архитектуру и управляемых кастомным чипсетом, прямо сейчас осуществляли направленную транскраниальную магнитную стимуляцию. Они не читали мысли, как в дешевой фантастике. Они аппаратно прошивали кору головного мозга микроимпульсами, выстраивая двусторонний синаптический мост между живыми нейронами Горыныча и центральным вычислительным кластером платформы.

Генеральный конструктор «ЗАСЛОНа» требовал невозможного — убрать «бутылочное горлышко» интерфейсов. Никаких экранов, никаких клавиатур, никаких зрительных

нервов, скорость которых ограничена биологией. Только прямая загрузка в мозг.

— Иницирую подключение внешнего периметра, — сухо продиктовал Горыныч, чтобы микрофон записал лог в журнал испытаний.

Он мысленно подал команду на снятие программного предохранителя. Пинг составил 0,001 миллисекунды.

В ту же долю секунды стены тесной серверной исчезли. Границы его физического тела растворились в потоке телеметрии. Горыныч перестал быть человеком. Он стал платформой.

Вместо глаз он теперь смотрел через МФ РЛК «Заслон» и оптико-электронную систему ОЭС «СФЕРА» на крыше. Он улавливал радиоизлучение низкоорбитальных спутников и тепловые сигнатуры стаи нерп в трех километрах к северу. Он чувствовал базу спинным мозгом — вибрацию турбин микрореактора, напряжение в болтовых соединениях буровой вышки, работу СНО ОП (средств наземного обслуживания общего применения), гоняющих антифриз по тысячам метров труб.

Сознание расщепилось. Позывной «Горыныч» прилип к нему на полигоне еще два года назад, когда первый прототип едва не сжег ему зрительную кору. В сцепке с «Прометеем» его разум работал в три потока, как три головы мифического змея. Первая контролировала автономные функции тела — дыхание, сердцебиение. Вторая обрабатывала входящую

сенсорику базы. Третья занималась чистой математикой.

«Внимание. Пиковая нагрузка на гиппокамп. Температура ликвора: 38.5°C».

Интерфейс не выдавал текст перед глазами — Горыныч просто знал эти цифры, как человек знает, что у него затекла нога.

Над ухом зашипел дроссель. Фреоновый контур шлема попытался отвести избыточное тепло от черепа. Мозг инженера сейчас жрал глюкозу в промышленных масштабах. Сосуды расширились, пытаюсь прокачать больше кислорода к голодающим нейронам.

Горыныч проигнорировал дискомфорт и сфокусировал внимание на нижнем ярусе платформы. Ледовые датчики передавали микровибрацию. Массив данных обрушился в мозг. Кинематический модуль шлема, используя вычислительные мощности базы, за миллисекунды построил векторную модель напряжения льда.

— В секторе D-4 через сорок секунд образуется микро-трещина, — произнес инженер. Голос казался чужим. — Смещение опорной плиты составит три целых и две десятых миллиметра. Давление на сваю — восемьсот тонн. Рекомендую перераспределить балласт в цистернах правого борта.

Он мог бы упиваться этим абсолютным контролем часами. Чувствовать себя богом в машине. Но биология брала свое.

«Температура ликвора: 39.2°C. Угроза термического по-

вредения тканей. Критическая нагрузка на капилляры».

В висках застучали кувалды. Зрение — настоящее, человеческое — заволокло красной пеленой.

— Экстренный сброс! — рявкнул Горыныч и ударил по рычагу механического расцепителя на пульте.

Магнитный замок щелкнул. Связь оборвалась с тошнотворным рывком, будто его выбросило из стратосферы на бетон. Мир мгновенно схлопнулся до размеров серверной, освещенной холодным светом люминесцентных ламп. В уши ударил гул вентиляторов стойки.

Горыныч судорожно вдохнул, стянул тяжелый шлем и бережно, стараясь не повредить трубки охлаждения, положил его на антистатический коврик.

Из правой ноздри прямо на матовый алюминий пульта упала густая, почти черная капля крови.

Он привычно вытер подбородок тыльной стороной ладони, оставляя на коже грязный развод. Тремор колотил руки — стандартный откат после «разгона». Истощение нейромедиаторов и падение сахара. Инженер дотянулся до аптечки, выдавил в рот полтюбика энергетической углеводной пасты для спецназа и поморщился от приторно-химического вкуса. Плата за чудо.

Никаких чертежей «Прометей» давно не существовало на твердотельных носителях. После инцидента с попыткой взлома серверов НИИ в Петербурге, кураторы из Минобороны приказали физически уничтожить всю документацию.

Архитектура нейромоста, алгоритмы синхронизации и калибровочные таблицы теперь хранились только в одном месте — в виде искусственно сформированных синаптических связей в мозгу самого Горыныча. Он был не просто разработчиком. Он был сейфом из плоти и крови.

Дыхание постепенно выровнялось. Горыныч потянулся к клавиатуре, чтобы зафиксировать результаты в электронном журнале и запустить диагностику шлюза перед отправкой пакета данных на Большую землю. Сервер как раз формировал стандартный лог ледовой телеметрии для спутника ВМФ.

Его взгляд, еще не до конца перестроившийся с машинной логики на человеческое восприятие, скользнул по бегущим строкам кода на боковом мониторе. Пальцы замерли над клавишами.

Аномалия. Внешне все выглядело идеально. Но Горыныч знал архитектуру сети платформы на уровне мышечной памяти. Он заметил рассинхронизацию в пакетной передаче. Двенадцать миллисекунд задержки.

Ни один автоматический алгоритм безопасности не считал бы это угрозой — обычный джиттер, потеря пакетов из-за арктического шторма над морем Лаптевых. Но Горыныч знал, что магистральный оптоволоконный кабель до спутниковой тарелки имеет фиксированное сопротивление. Сигнал не мог задержаться сам по себе. Его что-то утяжелило.

Он развернул скрытый протокол, переведя интерфейс в ручной режим управления маршрутизатором. Внутри стан-

дартной метеорологической сводки, уходящей на спутник, был зашит криптографический контейнер. Теневой маяк.

— Что за дьявольщина? — пробормотал инженер. Сонливость и усталость после испытания сняло как рукой.

Он пустил обратную трассировку, пробиваясь через внутренние прокси-серверы платформы. Кто-то работал очень грязно, но эффективно, маскируя точку отправки и перекидывая сигнал между камерами видеонаблюдения жилого блока. Но маршрутизатор на физическом уровне сохраняет ARP-таблицы. Электричество не обманешь.

MAC-адрес физического порта высветился на мониторе.

Сектор А-1. Кабинет начальника службы безопасности платформы. Майора Кольцова.

Горыныч почувствовал, как по спине пополз холод, который был страшнее арктического ветра за стеной. Безопасник, человек, который проверял персонал до десятого колена, и чья подпись стояла под протоколом изоляции, только что отправил на военный спутник узконаправленный сигнал.

Инженер сбросил доступы Кольцова своими правами администратора нулевого уровня и натравил на контейнер дешифратор. Маяк был упакован не стандартным ключом ГО-СТа, а кастомным полиморфным алгоритмом. Такой почерк Горыныч видел лишь однажды, когда анализировал атаки израильского подразделения 8200.

Дешифратор подавился основной частью кода, но сумел вскрыть заголовок пакета. На экран выплонуло несколько

строк текста:

Payload: Сленок биометрии объекта «Горыныч» (Сетка сетчатки, дактилоскопия, динамика походки). Текущие GPS-координаты дрейфа ОКР «ЗАСЛОН-ЛАПТЕВЫХ». Статус внешнего контура охраны: протокол спящего режима активирован.

Горыныч медленно выдохнул. Пар вырвался изо рта — он только сейчас понял, что температура в серверной начала падать.

База больше не была секретной. Внешние датчики платформы, которые он калибровал десять минут назад, внезапно мигнули красным на мнемосхеме и погасли. Связь со спутником оборвалась с характерным щелчком реле.

Снаружи, за титановыми стенами, продолжал реветь шторм. Но внутри платформы повисла мертвая, звенящая тишина. Мышеловка захлопнулась.

Глава 2. Радиоэлектронная тень

Секунду назад дрейфующая база АО «ЗАСЛОН» была неприступной крепостью, надежно укрытой в радиоэлектронной тени и бескрайней арктической пустоши. Теперь она превратилась в подсвеченную мишень.

Горыныч с силой ударил ладонью по красной пластиковой кнопке интеркома на пульте.

— Дежурная смена! Сектор А-1, код «Цитадель»! У нас прорыв связи, подтвержденный слив координат!

Динамик ответил ровным, стерильным шипением белого шума. Внутренняя связь была мертва. Майор Кольцов, человек, чья паранойя годами служила главным щитом проекта, не просто отправил маяк — он аппаратно изолировал отсеки, обрубив локальную сеть на уровне коммутаторов.

Горыныч отшвырнул гарнитуру и бросился к запасному терминалу. Этот монитор был завязан напрямую на внешние камеры периметра по медному резервному кабелю, проложенному в обход основной сети. Старая школа. Ее нельзя взломать удаленно, можно только перерезать кусачками.

Экран мигнул и выдал зернистую картинку с северо-западной мачты.

База никогда не строилась как фортификационное сооружение. Логика генерального конструктора опиралась на абсолютную недостижимость. Для защиты от белых медведей и гипотетических диверсантов здесь квартировала всего одна сводная рота охраны — около ста бойцов. Обычные контрактники с автоматами, пара крупнокалиберных «Кордов» на вышках да два гусеничных вездехода в ангаре. Они кутались в тулупы, несли вахту на пятидесятиградусном морозе и ждали ротации. Они не были готовы к войне высоких технологий.

Горыныч вывел на экран тепловизионный контур ледового поля с матриц ОЭС «СФЕРА». Ветер гнал плотную стену снега. Пока все было тихо.

Его взгляд упал на матово-черный шлем, остывающий на

столе.

Ради этого куска полимера и графена прямо сейчас к базе неслась элита чужой разведки. И Горыныч, как никто другой, понимал почему.

ОКР «Прометей-М» не был инструментом для полярников. Это был абсолютный сдвиг парадигмы в военном деле. Шлем убирал главную проблему современного боя — биологическую задержку. От момента, когда оператор беспилотника видит цель на экране, до момента, когда он нажимает на гашетку, проходит около трехсот миллисекунд. В эпоху гиперзвука и квантовых вычислений триста миллисекунд — это вечность, за которую гибнут флотилии.

«Прометей» делал оператора единым целым с машиной. Человек в этом шлеме мог одновременно управлять роем из десяти тысяч ударных дронов, не печатая команды на клавиатуре, а просто желая их перемещения. Он мог взломать систему ПВО эсминца, просто посмотрев на его радиосигнатуру, потому что мозг в связке с экзокортексом производил криптографические вычисления быстрее любого кремниевого процессора. Шлем превращал одного оператора в тактического бога.

Но главная ценность заключалась в другом. Особенности нейропластичности привели к тому, что алгоритм синхронизации подстроился под физиологию Горыныча. Базовый код мутировал, переплетаясь с живыми синапсами инженера. Нельзя было просто скачать чертежи на флешку — их

там больше не было. Архитектура абсолютного оружия существовала только в виде химических связей в его гиппокампе.

Если Моссад заберет его живым, Израиль получит ключ к мировому господству в киберпространстве. Если Горыныч умрет — проект отбросит на десять лет назад.

На экране терминала арктическая пустошь внезапно раскололась.

Они появились не из темноты, а словно соткались из самой пурги. Восемь силуэтов, идущих идеальным клином. Никаких громоздких армейских снегоходов, ревущих двигателями внутреннего сгорания. Группа захвата использовала сверхлегкие тактические электробайки на кевларовых гусеницах. Никакого выхлопа, ни звука. Сами машины и комбинезоны седоков были покрыты радиопоглощающим метаматериалом с активным терморегулированием. На тепловизоре базы они отображались как легкая поземка, температура которой идеально совпадала с температурой льда.

Феерия началась, когда они пересекли стометровую отметку.

Караульный на вышке наконец заметил оптическую аномалию на мониторе системы «СФЕРА» и дернулся к прожектору. Он не успел даже снять автомат с предохранителя.

Один из силуэтов на ходу поднял руку. Вспышки пороховых газов не было — только тусклый синеватый импульс электромагнитной винтовки. Кинетический вольфрамовый

стержень пробил бронестекло вышки, аккуратно сняв часового.

В следующую секунду передовая двойка байков взмыла в воздух на ледяном торосе. Прямо в прыжке их пилоты отстрелили по периметру базы четыре цилиндра. ЭМИ-гранаты направленного действия ударили по внешнему кольцу освещения и трансформаторной будке. Галогенные прожекторы лопнули с сухим треском. База погрузилась в первобытный мрак, освещаемый только сполохами пурги.

Горыныч смотрел на монитор, вцепившись побелевшими пальцами в край металлического стола.

Рота охраны среагировала инстинктивно. Взвыла резервная пневматическая сирена, из жилого модуля в слепую метель посыпались бойцы, на ходу передергивая затворы. Они были смелыми ребятами, но сейчас они воевали с призраками, у которых была тотальная фора в технологиях.

Израильтяне не стали ввязываться в затяжной окопный бой. Они ударили хирургически. Байки разъехались веером, беря выбегающих солдат в классический огневой мешок. Заработали бесшумные пистолеты-пулеметы с предиктивной оптикой. На мониторе Горыныча тепловые сигнатуры защитников базы гасли одна за другой. Никаких очередей, только одиночные выстрелы точно в сочленения бронежилетов или в шею.

Бойцы стреляли в ответ, трассеры рвали снежную пелену, но израильтяне двигались по рассчитанным алгоритмам,

уходя с линии огня за долю секунды до того, как туда ложилась пуля. Их координация была машинной.

— Они завязаны в локальную тактическую сеть, — прошептал Горыныч. Инженерный мозг даже сейчас автоматически анализировал геометрию боя. — Видят слепые зоны друг друга через визоры. Идеальная синхронизация.

Внезапно картинка на мониторе дернулась. Внешняя гермодверь шлюза жилого модуля, чьи запорные ригели должны были выдержать прямое попадание из РПГ, плавно отъехала в сторону. Майор Кольцов открыл им прямой доступ внутрь периметра.

Группа захвата бросила байки, активировав на них термитные заряды, чтобы не оставлять улики, и скользнула в коридоры станции.

Камера в шлюзе на секунду выхватила их лица — глухие баллистические маски из углеродного волокна с четырьмя паучьими линзами у каждого. Они не стали тратить время на зачистку оставшихся снаружи солдат. Двойка двинулась к реакторному отсеку, чтобы взять под контроль резервное питание, а основные силы — четверо оперативников — направились прямо по техническому коридору В-3.

В серверную. К нему.

В этот момент в лаборатории резко заложило уши. Давление воздуха упало, и изо рта Горыныча вырвался клуб белого пара. Датчики на стене тревожно пискнули: температура в отсеке поползла вниз с пугающей скоростью. Крыса не толь-

ко открыла двери. Кольцов дистанционно перекрыл контур отопления в лабораторном модуле, сливая горячий теплоноситель прямо в море Лаптевых.

Через десять минут здесь будет минус двадцать. Через пятнадцать — титановая дверь серверной покроется изнутри слоем инея.

Горыныч обернулся. Протоколы безопасности требовали сидеть и ждать. Здравый смысл кричал, что нужно лечь на пол, положить руки за голову и сдать, надеясь, что Моссаду он нужен в рабочем состоянии.

Но он помнил, как израильтяне только что положили роту охраны. Им не нужен был человек. Им нужен был носитель информации. Как только они скачают его профиль в безопасном месте, ему пустят пулю в затылок.

В коридоре за бронедверью раздались тяжелые, ритмичные шаги.

Инженер потянулся к черному шлему «Прометей». Температура в комнате стремительно падала, и впервые за все время работы над проектом это играло ему на руку. Экстремальный холод — именно то, что нужно системе охлаждения, когда он вырвет заводские ограничители.

Он собирался разогнать свой мозг до предела, за которым заканчивалась человеческая биология.

Глава 3. Аппаратный эксплойт

Температура в серверной упала до минус десяти градусов

Цельсия. Выдыхаемый Горынычем пар мгновенно кристаллизовался, оседая инеем на воротнике лабораторного халата. Сквозь герметичную титановую переборку, отделявшую лабораторию от технического коридора, донеслось глухое, ритмичное «Тун-тун-тун».

Это были не шаги. Это был звук работающего гидравлического разжимного инструмента. Оперативники Моссада не собирались тратить время на подбор паролей к замку, который Горыныч заблокировал чисто механически, загнав в пазы стальной шкворень. Они просто ломали саму коробку двери трехтонным давлением.

Горыныч взглянул на шлем «Прометея», покоящийся на столе.

— Время вышло, коллега, — прошептал он посиневшими губами.

Он знал тактику подобных групп. Как только гидравлика ослабнет, в щель бросят светозумовую гранату, а затем войдет двойка щитоносцев. У него было максимум четыре минуты до того, как его скрутят и вколют транквилизатор.

В штатном, полигонном режиме «Прометей-М» работал на тридцати процентах от теоретической мощности. Это обеспечивало относительную безопасность для нейронов оператора и позволяло справляться штатной системе жидкостного охлаждения. На сорока процентах у Горыныча начинала болеть голова. На пятидесяти — лопались капилляры в глазах. Выше пятидесяти процентов никто нико-

гда не поднимался. Срабатывали программные и аппаратные предохранители, намертво отсекавшие питание. В документах это называлось «Протокол сохранения биоресурса».

Горыныч потянулся к инструментальному ящику и достал тяжелые пассатижи-бокоре­зы с диэлектрическими рукоятками. Плевать на биоресурс. Если его захватят, ресурсом станет вся его страна.

Он перевернул шлем. На затылочной части, под слоем композитной брони, находился сервисный люк, опломбированный сургучом и залитый эпоксидной смолой. Горыныч загнал острие бокорезов под край люка и с хрустом выломал панель. Сургуч рассыпался красной пылью.

Под панелью скрывался МИП — модуль источника вторичного электропитания, и контролирующий его аппаратный КОР-чип. В центре платы горел тусклым зеленым светом крошечный светодиод — индикатор активного «Протокола сохранения».

Горыныч замер на секунду. Рука дрогнула. Он сам прописывал логику этого протокола. Он знал, что сейчас сделает.

Тун.

Тун. Треньк! — снаружи зазвенел металл. Гидравлика смяла петли. Дверь пере­косило.

Горыныч стиснул зубы и резким движением загнал губки бокорезов внутрь платы, выкусывая к чертовой матери крошечный кремниевый КОР-чип предохранителя. Зеленый огонек мигнул и погас. Вместо него по контуру шлема зло-

веще вспыхнула багровая полоса световодов.

Аппаратный лимит мощности был снят. Теперь «Прометей» мог жрать столько энергии, сколько сможет выдать подстанция платформы, и гнать мозг до температур, при которых белок сворачивается за секунды.

Но этого было мало. Горыныч бросил бокорезы и схватил кабель жидкостного охлаждения, тянущийся к мобильному компрессору. В штатном режиме фреон циркулировал по замкнутому контуру. Горыныч с силой выдернул входящий патрубок из компрессора. Синеватая маслянистая жидкость хлынула на пол.

Он быстро вырвал обратный клапан на самом шлеме, разгерметизировав внутреннюю рубашку охлаждения графеновой матрицы.

— Давай, Арктика, поработай на меня, — пробормотал Горыныч.

Тонкая электроника шлема питалась от стабильных двенадцати вольт. Если просто воткнуть в гнездо питания промышленный кабель, микросхемы испарятся за миллисекунду, и шлем превратится в кусок мертвого пластика. Но Горынычу сейчас не нужны были тонкие настройки вычислительного кластера. Ему нужна была грубая, первобытная мощность.

Он вырвал толстый силовой шлейф графеновых катушек прямо из материнской платы шлема. Не тратя время на инструмент, он содрал зубами тефлоновую изоляцию с прово-

дов и внаглуую, скруткой, соединил их с оголенными жилами кабеля от трехфазного ИБП серверной.

Триста восемьдесят вольт ударят в обход всех нежных процессоров, прямо на сырую массу индукторов. Шлем издал тихий, нарастающий ультразвуковой писк. Композит заалел, словно раскаленный уголь. Внутри разгерметизированной рубашки шлема фреон мгновенно закипел и начал со свистом стравливаться наружу, превращаясь в перенасыщенный пар с температурой минус сорок. Внутренняя поверхность шлема, которая должна была прилегать к черепу, покрылась толстым слоем инея.

Это было безумие. Технический суицид. Горыныч собирался надеть на голову устройство, которое снаружи раскалено электрическим током, а изнутри заморожено кипящим фреоном, и подать на него напряжение в обход всех трансформаторов.

Его мозг должен был сгореть через минуту. Но за эту минуту он собирался успеть сделать Моссаду очень больно.

БА-БАХ!

Дверь серверной содрогнулась от мощного удара. Вмятина глубиной в кулак появилась в центре титанового листа. Израильтяне перешли к использованию кинетического тарана, но титан выдержал. За дверью послышалась отрывистая команда — штурмовики отбросили таран и начали готовить направленный взрыв.

Горыныч вытер кровь из-под носа — она пошла снова, от

одного только вида раскаленного «Прометея». Он глубоко вдохнул, хватая ртом ледяной воздух замерзающей серверной, и обеими руками поднял воюющий шлем над головой.

Секунду он смотрел в темноту визора.

— В бой! — прохрипел Горыныч и с силой опустил шлем на голову.

Глава 4. Тахипсихия

Контакт внутренней сферы шлема с черепом отозвался обжигающим холодом. Запертый внутри композитной рубашки кипящий фреон проморозил кевларовую подкладку до состояния сухого льда. Но этот холод Горыныч чувствовал ровно одну секунду.

Затем 380 вольт ударили по графеновым индукторам напрямую, в обход выкушенного аппаратного предохранителя.

В глазах не потемнело — само понятие человеческого зрения перестало существовать. Его мозг, эволюционно привыкший работать на жалких двадцати ваттах мощности, внезапно получил инъекцию сырой, ничем не ограниченной энергии. Это не было похоже на включение монитора. Это было сродни тому, как если бы слепому от рождения человеку напрямую в зрительную кору вживили прожектор зенитного комплекса.

Горыныч закричал, но не услышал собственного голоса, потому что аудиальные центры уже перестраивались под обработку цифровых пакетов.

Синапсы вспыхнули. Нейронные связи начали физически трансформироваться в реальном времени под чудовищным электромагнитным давлением «Прометея». Гиппокамп и лобные доли, лишённые заводских лимитов безопасности, перешли в режим стопроцентной утилизации ресурсов.

Тело инженера выгнулось дугой в рабочем кресле. Пульс скакнул до ста восьмидесяти ударов в минуту. Печень экстренно выбросила в кровь весь неприкосновенный запас гликогена, чтобы накормить закипающий центральный процессор из плоти, а надпочечники залили систему норадреналином.

Синхронизация... 100%.

Аппаратные ограничения: Отключены.

Температура ликвора: 39.8°C. Критический рост.

Боль, разрывающая череп, исчезла так же резко, как и появилась. Наступила абсолютная, звенящая, холодная математическая ясность.

Время вокруг Горыныча остановилось. Пылинки инея, сорвавшиеся с потолка замороженной серверной, зависли в воздухе, словно вмороженные в янтарь. Он смотрел на них не глазами — оптические нервы сейчас отдыхали, став рудиментом.

Шлем напрямую интегрировался с экспериментальной бортовой станцией БРЛС «ВН-001», пронизывающей своими волнами конструкцию платформы. В техническом коридоре, прямо за покорёженной титановой дверью, находились

четыре человека. Горыныч «видел» их сквозь полутораметровый слой металла, бетона и свинцовой изоляции. Этот радар, способный просвечивать многослойные перекрытия, отрисовывал контуры штурмовиков с пугающей, анатомической детализацией.

Израильские оперативники. Элита подразделения «Кидон». Их тренированные сердца бились ровно — шестьдесят пять ударов в минуту. Температура их тел, укрытых активными термокомбинезонами, была идеально замаскирована под фон окружающей среды, но «Прометей» не нуждался в тепле. Он читал микроволновое излучение их тактической электроники, зашифрованный радиообмен гарнитур и электромагнитные наводки от шаговых сервоприводов в суставах их легких экзоскелетов.

Они стояли в классическом построении для штурма узких помещений — «змейкой». Первый номер держал в руках направленный рамочный заряд на магнитной присоске, готовясь установить его на замок.

Горыныч перевел взгляд на цифровой таймер в углу своего внутреннего, синтетического интерфейса. Прошла всего одна реальная секунда с момента надевания шлема. Его разогнанный мозг обрабатывал информацию в триста раз быстрее, чем биологические нейроны штурмовиков.

Эффект тахипсихии — боевого замедления времени. Для бойцов Моссада он сейчас двигался бы как размытое серое пятно, если бы у него были физические силы двигаться. Но

тело Горыныча было приковано к креслу параличом перегрузки.

Ему и не нужно было бегать с пистолетом. Он был инженером. Эта база была его чертежом, его инструментом.

В коридоре первый номер плавно, миллиметр за миллиметром, прилепил заряд к замку.

Детонация через 3... 2... 1...

Взрыв не прозвучал резко. Он медленно, словно в густом сиропе, расцвел багровым бутоном плазмы на внутренней стороне двери. Титановая плита, сорванная с искореженных петель, величаво полетела внутрь серверной. Вслед за ней в расширяющуюся щель юркнул черный ребристый цилиндр светошумовой гранаты.

В обычной ситуации вспышка в три миллиона кандел и звуковой удар в сто семьдесят децибел превратили бы Горыныча в пускающий слюни овощ с разорванными барабанными перепонками. Но «Прометей» сыграл роль идеального фильтра. Алгоритмы интерфейса за микросекунду распознали пиковую амплитуду угрозы и аппаратно отрезали эти частоты от восприятия инженера.

Горыныч сидел в кресле, равнодушно глядя, как граната взрывается стеной белого света, и параллельно анализировал векторы атаки.

В проем, прикрываясь ростовым щитом из многослойного баллистического полимера, скользнул первый оперативник. За ним, идеально контролируя слепые зоны, вошел второй.

Движения отточены до автоматизма, стволы пистолетов-пулеметов смотрят точно по секторам. В их тактических масках работали тепловизоры — они искали теплую биологическую цель в замороженной комнате.

Горыныч сидел прямо перед ними. От раскаленного композита шлема шел густой пар, смешиваясь с дымом от взрыва.

Оперативник вскинул оружие, его палец в кевларовой перчатке медленно-медленно пополз к спусковому крючку. Встроенная в прицел израильтянина система предиктивного наведения уже просчитала поправку на плотность воздуха и деривацию.

— Мой дом. Мои допуски, — мысленно, на уровне синаптического импульса, произнес Горыныч.

Он не стал уворачиваться от ствола. Вместо этого он третьим потоком своего расщепленного сознания обратился через автоматизированный комплекс АКИП напрямую к ПЛК — программируемому логическому контроллеру системы газового пожаротушения.

Потолочные клапаны, расположенные ровно над головами вошедших израильтян, были подключены к магистральным баллонам со сжиженным хладоном. По ГОСТу газ должен распыляться плавно, в течение тридцати секунд, чтобы вытеснить кислород, погасить пламя и не повредить сервера резким перепадом температур.

Горыныч силой мысли стер программные ограничители

давления в контроллере и приказал клапанам открыться на сто процентов за доли секунды.

Раздался оглушительный гидравлический удар.

Сжиженный газ под чудовищным давлением в двести атмосфер ударил из потолка монолитным столбом прямо в плечи и затылки оперативников. В комнате с и без того минусовой температурой мгновенное расширение хладагента вызвало жесточайший термодинамический шок. Температура в радиусе двух метров от штурмовиков рухнула до минус семидесяти градусов по Цельсию.

Баллистический щит первого номера, рассчитанный на поглощение кинетической энергии бронебойных пуль, не выдержал резкого градиента температур. Полимер мгновенно потерял пластичность и покрылся густой сетью микротрещин от глубокого обморожения. Тяжелый газ, стремительно расширяясь, ударил по барабанным перепонкам оперативников через внешние микрофоны их собственных тактических масок, перегрузив активное шумоподавление.

Первый номер пошатнулся, его биомеханика дала сбой. Палец судорожно дернулся на спусковом крючке. Короткая очередь ушла в потолок, высекая искры из пробитых кабель-каналов.

Горыныч не собирался давать им время на адаптацию. Он потянулся к подсистеме питания электрощитовой.

Двадцать тяжелых серверных стоек, потреблявших десятки киловатт энергии, были запитаны через толстые медные

шины, проложенные под фальшполом. Там же находились массивные блоки ИБП — источников бесперебойного питания, забитые конденсаторами высокой емкости.

Инженер программно замкнул цепь разряда ИБП напряжy на стальные направляющие фальшпола, создав искусственную дугу короткого замыкания в кабеле прямо под ногами второго оперативника.

Бетонная стяжка под металлическими плитами треснула от перепада напряжения. Толстая синяя дуга пробила кевларовые ботинки штурмовика. Экзоскелет Моссада заискрился — встроенная защита от электромагнитного импульса была рассчитана на наведенные токи, а не на прямой пробой в десять тысяч ампер, бьющий из-под земли.

Человек рухнул на колени, судорожно выгнувшись. Его тактическая маска с шипением погасла, лишившись питания, а сервоприводы костюма намертво заклинило, заблокировав оперативника в собственной броне.

Двое в минусе. Осталось еще двое в коридоре, которые только что поняли: электроника внутри серверной играет против них.

Горыныч, с трудом преодолевая сопротивление собственного тела, тяжело поднялся с кресла. Голова раскалывалась так, словно внутрь черепа залили свинец. Из носа ручьем текла кровь, заливая подбородок и воротник белого халата, но под действием норадреналина он этого почти не замечал. Он чувствовал лишь, как огромная станция вибрирует в уни-

сон с его пульсом.

— Приемная комиссия работает без перерывов, — глухо прохрипел инженер, шагая сквозь медленно оседающее белое облако хладона к пробитому дверному проему.

Глава 5. Аналоговая угроза

Температура внутри черепа Горыныча достигла отметки в $40,2^{\circ}\text{C}$. Гипоталамус, биологический термостат организма, в панике бомбардировал нервную систему сигналами о критическом перегреве, требуя немедленно отключить сознание, лечь и умереть. Но разогнанные до предела лобные доли, запитанные от 380 вольт, жестко блокировали эти приказы.

Инженер перешагнул через бьющееся в конвульсиях тело второго оперативника. Изоляция кабелей под фальшполом продолжала тлеть, наполняя серверную едким запахом жженого пластика, который смешивался с морозным дыханием арктического воздуха, тянувшегося из пробитого коридора.

Горыныч сделал еще один шаг к дверному проему. Его синтетическое зрение, отрисовывающее мир в радиодиапазоне, вело оставшихся двух штурмовиков.

Они стояли в восьми метрах дальше по коридору. Третий и четвертый номера группы «Кидон».

Инженер уже сформировал ментальную команду, чтобы перегрузить литиевые батареи в их ранцах связи, превратив аккумуляторы в зажигательные бомбы прямо на их спинах. Пинг — одна миллисекунда. Команда ушла в локальную сеть

Моссада.

Но взрыва не последовало.

Вместо этого идеальные, четкие цифровые силуэты израильтян на внутреннем интерфейсе Горыныча внезапно замерцали и рассыпались облаком белого шума. Радиочастотные метки их оружия погасли. IP-адреса их тактических масок исчезли из эфира.

Горыныч замер, опираясь рукой о покореженный косяк титановой двери.

Они оказались настоящими профессионалами. Увидев, как двое их товарищей рухнули за секунду без единого выстрела, командир группы мгновенно понял, с чем они столкнулись. Электроника базы и их собственное умное снаряжение стали их главными врагами. Система была скомпрометирована.

Ответ Моссада был радикальным и жестоким по отношению к самим себе. Командир активировал протокол полного аппаратного сброса.

Они физически вырвали оптоволоконные кабели смартлинков из разъемов на своих шлемах. Они выключили питание экзоскелетов, мгновенно превратив высокотехнологичную броню в сорок килограммов мертвого кевлара и титана, которые теперь приходилось тащить на собственной мышечной тяге. Они откинули в сторону умные коллиматорные прицелы с предиктивным наведением и щелчком подняли старые добрые механические мушки.

Они стали аналоговыми. Кусками мяса с механическим огнестрельным оружием, в котором не было ни одной микросхемы, способной принять внешний сигнал. Их невозможно было взломать, потому что в них больше нечего было взламывать.

Горыныч мгновенно лишился своего абсолютного превосходства. Он больше не видел их пульс и не читал их намерения через микромоторику сервоприводов. Ему пришлось переключить «Прометей» на пассивный терагерцевый радар и акустическую локацию, чтобы хоть как-то ориентироваться в пространстве. Силуэты врагов превратились в размытые, пульсирующие пятна тепла.

В коридоре щелкнули затворы. Металл ударился о металл. Инженер не успел даже вдохнуть, когда израильтяне открыли огонь. Они не стали высовываться из-за угла. Они использовали геометрию.

Коридор сектора В-3 был обшит панелями из сплава ВТ-1-0 — технического титана, который отлично держал коррозию и, как оказалось, обладал феноменальным коэффициентом упругого отражения.

Командир группы дал короткую очередь из трех патронов калибра 9x19 мм Парабеллум под углом в сорок пять градусов прямо в стену коридора. Пули не пробили титан. Они срикошетили, сохранив восемьдесят процентов кинетической энергии, и полетели прямо в дверной проем серверной, где стоял Горыныч.

«Внимание. Кинетическая угроза. Множественные векторы», — бесстрастно констатировал математический модуль «Прометей».

Мозг инженера взорвался каскадом вычислений. Тахипсихия снова растянула время. Горыныч видел, как деформированные от первого удара куски меди и свинца медленно влетают в комнату. Первая пуля шла на уровне его гортани. Вторая — в центр груди. Третья залетала чуть левее, метя в плечо.

Он рассчитал их траектории быстрее, чем они преодолели эти несколько метров. Инженер через внутреннюю сеть станции обратился к ДГСП (дальномерному гиросtabilизированному прибору) платформы. Лазерные дальномеры за микросекунду выстроили идеальную 3D-матрицу микро рельефа коридора, позволив «Прометею» рассчитать векторы рикошета с поправкой на деформацию оболочки, вращение пули и вязкость титана.

Горыныч сделал то единственное, что позволяла ему биомеханика его перегруженного тела. Он не стал прыгать или падать — мышцы просто не успели бы отработать приказ. Он лишь слегка, на выверенные одиннадцать миллиметров, отклонил корпус влево и опустил подбородок.

Первая пуля с влажным шелестом разрезала воротник его халата, обдав шею жаром. Вторая пробила пластиковый бейдж на груди, оставив черную полосу на ткани, и ушла в стойку сервера за спиной. Третья срикошетила от дверного

косяка в миллиметре от его плеча.

Он уклонился от пуль, используя чистую математику. Но это не могло продолжаться долго.

Израильтяне начали методично «заливать» коридор свинцом, используя двойной рикошет. Они шли на сближение, тяжело ступая в обесточенных экзоскелетах, как средневековые рыцари в доспехах. Воздух наполнился каменной крошкой, визгом рикошетов и запахом сгоревшего пороха. Аналоговая механика смерти работала безотказно.

«Температура ликвора: 41.5°C. Угроза необратимой коагуляции белка».

Перед глазами Горыныча поплыли черные круги. «Прометей» выжимал из его тела последние соки. Если он задержится в серверной еще на полминуты, его мозг просто сварится в собственной жидкости, или шальная пуля найдет свою цель. Эмпирическая вероятность его выживания в прямом огневом контакте стремилась к нулю.

Нужно было менять правила игры и срочно сбрасывать температуру.

Третьим потоком сознания инженер обратился к архитектурным чертежам платформы. Серверная не имела запасных выходов для персонала, но она имела систему технического обслуживания. Прямо под ногами, под фальшполом, проходила магистраль главного вентиляционного коллектора. Там гулял забортный арктический воздух с температурой минус сорок.

Горыныч упал на колени, прячась за толстой станиной дверного проема от града пуль, продолжавших крошить титановую обшивку. Он схватил тяжелую металлическую заглушку, вырванную взрывом из замка, и с силой всадил ее в зазор между плитами фальшпола. Изодранные в кровь пальцы рванули плиту на себя. Квадратный метр перфорированного металла с лязгом откинулся, открыв черную, воющую ледяным ветром дыру коллектора.

Шаги штурмовиков раздавались уже совсем рядом. Они подошли к двери.

Горыныч посмотрел на тяжелую, весом в полтонны, серверную стойку, стоящую у входа. Она была закреплена на пневматических амортизаторах, гасящих вибрацию ледового поля. Инженер протянул руку к распределительному щитку и аппаратно перенаправил на амортизаторы реверсивное давление от промышленной установки УПГ-350У (установки проверки гидросистем).

Пневматика взвыла. Полутонный шкаф, набитый горящим железом, с хрустом сорвало с креплений, и он рухнул прямо в дверной проем, намертво блокируя вход в серверную и отсекая израильтян стеной искореженного металла и высоковольтных проводов.

Раздался глухой удар и ругательства на иврите — стойка едва не раздавила передового бойца.

Не дожидаясь, пока они начнут резать металл или бросят в щель гранату, Горыныч перевалился через край открытого

люка и рухнул в крошечную тьму вентиляционной шахты.

Ураганный поток ледяного воздуха ударил ему в лицо, мгновенно срывая тепло с раскаленного корпуса «Прометей». Фреон внутри шлема зашипел, возобновляя цикл охлаждения. Горыныч скользил вниз по гладкому металлу трубы, уходя все глубже в технические кишки арктической базы.

Он выиграл первую битву. Но где-то над ним, в полярном небе, уже открывались купола парашютов. Американские десантники из ЦРУ начинали свою игру.

Глава 6. Терминальная скорость

Десять тысяч метров над уровнем моря. Стратосфера над морем Лаптевых не имела цвета — это была абсолютная, звенящая пустота, в которой температура держалась на отметке минус пятьдесят шесть градусов по Цельсию.

В чреве военно-транспортного самолета MC-130J Commando II, идущего в режиме радиомолчания с выключенными транспондерами, горел тусклый красный свет тактических ламп. Кормовая аппарель медленно поползла вниз, впуская внутрь рев четырех турбовинтовых двигателей и ураганный мороз.

Капитан Джейкоб Хейс, позывной «Гризли», стоял у края рампы, глядя в черную бездну. За его спиной, закрепившись фалами за направляющие, замерли пять бойцов Группы специальных операций ЦРУ (SAD/SOG).

Они не были похожи на изящных, закованных в углерод-

ное волокно кибер-ниндзя из израильского Моссада, которые предпочитали хирургическую скрытность. Американский подход к решению проблем всегда опирался на логику и подавляющую кинетическую мощь. На людях Хейса были надеты штурмовые экзоскелеты третьего поколения XOS-3 — массивные конструкции из титановых труб, сервоприводов и гидравлических поршней, питаемых от компактных твердотельных батарей.

Эти машины не делали солдат быстрее. Они делали их неудержимыми. Экзоскелет принимал на себя сто двадцать килограммов брони, боекомплекта, кислородных систем и тяжелого вооружения, позволяя оператору двигаться, не сбивая дыхание.

— Высота тридцать тысяч футов! — проорал в наушниках голос пилота-штурмана, пробиваясь сквозь рев ветра. — До точки сброса десять секунд! Напоминаю, мы идем по самому краю зоны покрытия радаров с острова Котельный. Раскройтесь выше километра — русские ПВО на Новосибирских островах срисуют ваши купола!

Хейс проверил показания манометра на баллоне с кислородной смесью. Прыжок HALO (High Altitude, Low Opening) в полярную ночь был балансированием на грани катастрофы. Если редуктор перемерзнет, боец потеряет сознание от гипоксии через сорок секунд. Если парашют раскроется слишком рано — человек превратится в ледяную статую еще до того, как коснется земли.

Они летели вслепую. Аналитики из Лэнгли засекали аномальный всплеск зашифрованного трафика на резервных частотах подразделения «Кидон» всего три часа назад. Израильская разведка, никого не предупредив, организовала масштабную логистическую операцию в российском секторе Арктики. ЦРУ не знало наверняка, что именно находится на этой дрейфующей льдине. Но если Моссад готов рискнуть открытым конфликтом с Москвой ради захвата этого объекта, Америка должна была забрать это первой. Или превратить в пыль.

— Зеленый свет! Пошли! Пошли!

Хейс шагнул в пустоту.

Его тело мгновенно подхватил воздушный поток скоростью в двести пятьдесят километров в час. Экзоскелет, добавив к весу тела почти полтора центнера стали и лития, превратил его в живой метеорит. Терминальная скорость свободного падения при такой массе выросла до трехсот двадцати километров в час. Обычный парашютист падал гораздо медленнее.

В визоре шлема Хейса зажегся проекционный дисплей. Зеленые цифры радиовысотомера стремительно отматывали высоту.

8000 метров...

6000 метров...

Вокруг него в черном небе падали еще пять невидимых теней. Инерциальные навигационные системы экзоскелетов

синхронизировали их полет, автоматически корректируя положение тел с помощью крошечных аэродинамических закрылков на предплечьях и голених, удерживая шестерку в плотном кольце радиусом в тридцать метров.

4000 метров...

Они вошли в плотный слой облачности. Видимость упала до нуля. Ледяная крошка забарабанила по углепластику брони с яростью пескоструйного аппарата. Система активного терморегулирования экзоскелета загудела, сжигая заряд батарей, чтобы гидравлическая жидкость в цилиндрах не загустела на таком морозе.

1500 метров...

Нижняя кромка облаков разорвалась. Под ними раскинулась бесконечная, истерзанная торосами белая равнина ледового панциря. А в самом ее центре, едва различимая в полярной мгле, чернела прямоугольная клякса дрейфующей базы АО «ЗАСЛОН».

Хейс напряг зрение, активируя оптическое увеличение визора. База была обесточена. Ни одного прожектора, ни одного габаритного огня. Только в северо-западном секторе периметра тепловизор засек четыре остывающие точки — сожженные дотла снегоходы.

Израильтяне уже были внутри.

500 метров...

— Раскрытие! — сухо скомандовал встроенный баллистический компьютер.

Автоматические пиропатроны выстрелили вытяжные парашюты. Секундой позже из ранцев вырвались основные купола-крылья. Это были не обычные десантные парашюты, а усиленные многослойные конструкции из сверхвысокомолекулярного полиэтилена (СВМПЭ) и рипстоп-нейлона, способные выдержать торможение двухсотпятидесятикилограммового комплекса.

Рывок был такой силы, что без жесткого титанового каркаса экзоскелета Хейсу переломало бы ключицы и разорвало тазовое кольцо. Перегрузка вдавила его в ремни подвесной системы, с силой выдавливая остатки кислорода из легких. Скорость резко упала до приемлемых десяти метров в секунду.

Шестерка начала заход на посадку. Их целью была не ледяная пустошь вокруг станции, а широкая, плоская крыша жилого модуля базы — единственное место, где не было лабиринта из антенных мачт и вентиляционных труб.

Хейс потянул левую клеванту управления, закладывая крутой вираж против ветра. Бронированные ботинки экзоскелета с оглушительным грохотом ударились о рифленый металл крыши. Гидравлика в ногах протестующе взвыла, принимая на себя кинетическую энергию удара, и просела на полметра, гася инерцию.

Один за другим, с интервалом в секунду, на крышу с лязгом обрушились остальные пятеро бойцов. Как только купола парашютов опустились на обледенелый металл, сработали

программируемые пирозамки — система мгновенно отстрелила свободные концы, и парашюты тут же сдул в темноту арктический шторм.

Хейс вскинул тяжелый штурмовой пулемет калибра 7.62, встроенный прямо в правый манипулятор экзоскелета и синхронизированный с движением его руки. Лента на пятьсот патронов змеилась из заплечного короба.

— Локальная сеть активна, — прохрипел он в микрофон, впервые нарушая радиомолчание. Тактический интерфейс ЦРУ ожил, связывая шестерых бойцов в единую боевую единицу. — Группа, мы на объекте. Моссад опередил нас минимум на двадцать минут. Статус российской охраны периметра: полностью уничтожена.

Второй номер, боец с позывным «Спарки», подошел к вентиляционной надстройке на крыше и прикрепил к обшивке массивный сейсмический сканер.

— Капитан, — голос Спарки звучал напряженно. — Станция мертва. Я не фиксирую вибрацию основного реактора. Но внутри... там бойня. Радар бьет сквозь перекрытия. Я вижу остывающие тела в жилом блоке. Много тел.

Хейс кивнул, хотя в темноте этого никто не увидел. Израильтяне из «Кидона» работали грязно и быстро.

— Наша цель — сам проект. Будь то человек, серверная стойка или кусок железа. Если встретите израильтян — открывать огонь на поражение без предупреждения. Нам не нужны свидетели дипломатического инцидента.

Он тяжело подошел к заблокированному герметичному люку, ведущему с крыши в технические коридоры верхнего яруса.

Спарки шагнул вперед, поднимая левую руку экзоскелета. На предплечье гидравлика с лязгом выдвинула короткий, толстый ствол дробовика. Многорежимный умный взрыватель бризантного снаряда был выставлен на направленный контактный пробой. Идеальное оружие для грубого вскрытия тяжелых дверей, которое армия США ласково называла «Мастер-ключ».

— Стучи, — приказал Хейс.

Глава 7. Вектор пересечения

Главный вентиляционный коллектор был вертикальной артерией из оцинкованной стали диаметром чуть больше метра. Он пронизывал платформу насквозь, засасывая ледяной воздух с крыши и разгоняя его по техническим ярусам.

Горыныч летел во тьму. Резиновые подошвы армейских ботинок и локти с диким визгом терлись о металл, гася скорость падения. Запахло жженой резиной и паленой синтетикой. Ткань лабораторного халата стерлась за секунды — теперь он тормозил собственной кожей, оставляя на алюминии влажные кровавые полосы.

Но физическая боль была ничтожна по сравнению с термодинамическим адом внутри его черепа.

Разогнанный до абсолютного предела нейроинтерфейс

«Прометей» генерировал колоссальное количество тепла. Фреон со свистом бил из сорванного клапана, забирая энергию, но этого все равно не хватало. Ураганный поток забортого воздуха — минус сорок по Цельсию — стал спасением. Арктика сработала как гигантский внешний радиатор. Иней на внутренней сфере шлема начал таять, остужая закипающий ликвор.

«Температура: 39.5°C. Динамика отрицательная. Угроза коагуляции снята», — бесстрастно отрапортовал внутренний интерфейс.

Горыныч хрипло рассмеялся, глотая ледяную пыль. Он спас мозг от расплавления, но теперь рисковал умереть от банального переохлаждения. Воздух обжигал легкие, превращаясь внутри в колючие кристаллы. Пальцы, судорожно упирающиеся в стенки шахты, теряли чувствительность. Обморожение первой степени наступило за какие-то полминуты.

Инженер чуть ослабил распор, позволив себе соскользнуть еще на пять метров вниз, в зону пересечения с горизонтальными воздуховодами второго яруса. Напор ветра здесь ослаб. Он уперся спиной в изгиб трубы и завис над пропастью, тяжело дыша.

В абсолютной темноте человеческое зрение слепо. Но «Прометей» не нуждался в фотонах.

Горыныч прижался затылком к ледяному алюминию. Металл платформы стал для графеновых индукторов гигантской пассивной антенной. Шлем мгновенно подключился к

интегрированной системе мониторинга конструкций — тысячам пьезоэлектрических тензодатчиков и оптической сети ПСВУ (управляющих приборов визуальной угрозы), вшитых в несущие опоры и перекрытия базы для контроля ледовой нагрузки.

Пространство развернулось трехмерной неоновой голограммой. База предстала перед его мысленным взором как живой, пульсирующий организм.

Четыре красных пятна тепловых сигнатур на втором ярусе. Остатки группы Моссада. Они двигались медленно, профессионально контролируя сектора, уже вскрывая резервные серверные. Аналоговая тактика работала — «Прометей» не мог взломать их отключенные экзоскелеты, видя лишь вес и температуру.

Но внезапно проволочная модель платформы содрогнулась.

Тензодатчики на крыше жилого модуля взвыли от критической ударной перегрузки.

БУМ.

БУМ. БУМ.

Удары следовали с интервалом в секунду. Шесть тяжелых кинетических импульсов прошли несущие балки сверху вниз.

Горыныч нахмурился, перебрасывая вычислительные мощности лобных долей на виброакустический анализ.

Израильтяне так не работали. Масса оперативника «Ки-

дона» в кевларе составляла около ста килограммов. Датчики крыши фиксировали удары массой свыше двухсот килограммов каждый. И площадь контакта кричала о тяжелом металле. Кто-то только что сбросил на крышу станции шесть наковален со скоростью десять метров в секунду.

— Экзоскелеты тяжелого штурмового класса, — прошептал Горыныч. Слова облачком пара растворились во тьме. — Автономное питание. Промышленная гидравлика.

Моссад не использовал такие машины для тайных операций. Тяжелая броня — это инструмент взлома, кувалда для прямого войскового контакта. Американцы. Группа специальных операций ЦРУ. Никто другой не обладал технологиями высотного десантирования таких платформ в Арктике.

Ситуация менялась стремительно. Израильская хирургическая сталь только что встретилась с американским броневой бойным молотом.

Внезапно по трубе ударила упругая волна избыточного давления. Барабанные перепонки болезненно щелкнули. Верхний тензодатчик на крыше замигал красным и умер. Бризантный заряд из подствольного дробовика вынес герметичный люк вместе с титановой рамой.

ЦРУ вошло в здание.

Горыныч видел их тяжелые, неотвратимые шаги сквозь сеть вибраций. Они спускались по главной лестнице на первый ярус, вышибая закрытые двери пневматическими таранами прямо на ходу. Никакой скрытности. Тотальная зачист-

ка периметра.

«Анализ тактической обстановки, — холодно выдал интерфейс. — Два вектора угрозы. Пересечение векторов через четыре минуты двадцать секунд».

Американцы неизбежно столкнутся с Моссадом в коридорах жилого сектора. Шесть бронированных танков против четырех невидимых ниндзя. Бойня будет страшной, и победитель спустится на нижние ярусы за ним.

У Горыныча было меньше пяти минут форы. Ему нужна была арена, где он получит абсолютное преимущество. Неограниченный запас энергии и тотальный контроль над автоматикой. Только один отсек на платформе отвечал этим требованиям.

Инженер разжал окровавленные пальцы и скользнул дальше в ледяную пропасть. Мимо проносились технические выводы второго яруса. Воздух плотнел.

Труба коллектора сделала плавный изгиб, переходя из вертикальной шахты в горизонтальный магистральный короб нижнего уровня. Горыныч сгруппировался, ударился подошвами о покатуную стенку и, проскользив еще пару метров, намертво застрял в узком рукаве перед массивной решеткой фильтра.

Сквозь ячейки лился тусклый янтарный свет аварийного освещения. Раздавался низкий, вибрирующий гул, отдающийся прямо в костях. Это пело сердце станции — компактный ядерный реактор, вырабатывающий энергию для авто-

номного дрейфа.

Горыныч вышиб решетку ударом обеих ног и тяжело рухнул на резиновое покрытие предбанника реакторной.

Тело ломило от ушибов и обморожений. Кровь на лице застеклась черной коркой. Но внутри матового шлема, пульсирующего багровыми световодами, разум работал с кристальной, нечеловеческой четкостью.

Он поднялся и подошел к главному распределительному щиту.

— Ну что ж, господа, — Горыныч с силой опустил ладони на тяжелые рубильники. — Посмотрим, как ваша броня выдержит законы Ома и физику плазмы. Добро пожаловать в ад.

Глава 8. Критическое давление

Реакторный отсек был святая святых платформы. Здесь не было изящных пластиковых панелей жилого модуля — только голый бетон, толстые пучки силовых кабелей в свинцовой оплетке и хитросплетение труб из нержавеющей стали.

Горыныч подошел к пульту АСУ ТП — автоматизированной системы управления технологическим процессом. Обычному оператору потребовалось бы ввести пароль, вставить физический ключ и подтвердить доступ через биометрию. Инженер проигнорировал клавиатуру. Он выдернул из гнезда толстый диагностический кабель стандарта RS-485 и, скрутив на ходу провода, вогнал их напрямую в сервисный

порт своего шлема.

«Прометей» заурчал, принимая новый поток данных. Горыныч уже успел накинуть силовые скрутки шлема на клеммы местного распределительного щита. Напряжение в 380 вольт, снятое напрямую с силовой шины реакторного отсека, давало индукторам достаточную мощность, чтобы взломать устаревшие протоколы промышленного контроллера за три миллисекунды.

Инженер закрыл глаза. Зрительная кора вновь утонула в море телеметрии. Теперь он чувствовал не только архитектуру базы, но и течение ее искусственной крови. Он ощущал давление в первом контуре, где радиоактивная вода, разогретая до трехсот градусов, находилась под чудовищным прессом в сто шестьдесят атмосфер, чтобы не превратиться в пар. Он «видел» второй контур — чистый пар, вращающий лопатки турбогенераторов.

Горыныч превратился во всевидящего паука, сидящего в центре стальной паутины.

«Анализ акустических и сейсмических данных», — мысленно приказал он.

Интерфейс отрисовал два вектора.

Первый вектор — американцы. Шесть тяжелых экзоскелетов ХОS-3 двигались с грацией асфальтоукладчиков. Они спустились на второй технический ярус в секторе В. Капитан Хейс не собирался играть в прятки. Его группа шла ромбом, проламывая запертые двери гидравлическими тарана-

ми. Их тяжелые шаги отдавались на тензодатчиках пола четким, ритмичным пульсом.

Второй вектор — Моссад. Четверо выживших оперативников группы «Кидон». Отказавшись от электроники, они стали невидимыми для радаров шлема. Но физику обмануть нельзя. Горыныч переключил внимание на датчики перепада давления в системе вентиляции. Израильские оперативники дышали, они вытесняли своими телами воздух, они открывали гермодвери вручную. Крошечные изменения атмосферного давления в коридорах сектора С выдавали их местоположение так же ясно, как сигнальные ракеты.

Расстояние между группами стремительно сокращалось. Они двигались навстречу друг другу.

Горыныч холодно рассчитал их скорости. Если ничего не менять, они разминутся на развилке. Этого нельзя было допустить. Они должны были перемолоть друг друга, чтобы дать инженеру время на перехват управления стержнями защиты реактора.

Нужен был загон для скота. И Горыныч его создал.

Третьим потоком расщепленного сознания он обратился к пневматическим приводам аварийных переборок на втором ярусе.

Израильтяне только что миновали технический перекресток, двигаясь бесшумными тенями. Внезапно у них за спиной с оглушительным шипением рухнула с потолка трехтонная стальная гермодверь, намертво отсекая путь к отступле-

нию.

Командир «Кидона» резко обернулся, вскинув пистолет-пулемет с механическим прицелом. Ловушка. Электроника базы снова играла против них.

— Вперед движение! — прошипел один из израильтян, прижимаясь к стене.

Они не могли использовать тепловизоры — они вырвали их кабели, чтобы избежать взлома. Они полагались только на глаза и слух. И сейчас их слух фиксировал тяжелый, ритмичный грохот металла о металл, приближающийся из-за угла.

С другой стороны развилки капитан ЦРУ Джейкоб Хейс остановился. На его тактическом дисплее вспыхнуло предупреждение: сейсмические сканеры засекли падение тяжелой переборки всего в сорока метрах впереди.

— Спарки, что за чертовщина? Автоматика сошла с ума? — рыкнул Хейс.

— Отрицательно, Гризли. Кто-то вручную схлопывает гермозоны, загоняя нас в кишку коридора С-2.

— Значит, мы выбьем эту дверь. Группа, приготовиться к контакту. Тяжелое оружие к бою.

Американские десантники свернули за угол, войдя в длинный, узкий переход между модулями.

Израильтяне уже ждали их там. Четыре оперативника Моссада лежали за стальными трубами водопровода, слившись с тенями. Когда из-за поворота показалась фигура Хейса в массивном бронированном экзоскелете, командир «Ки-

дона» испытал секундный шок. Это были не русские солдаты охраны. Это была штурмовая бронетехника.

Но рефлексy элиты сработали быстрее мыслей.

— Огонь по суставам! — скомандовал израильтянин.

Аналоговая засада захлопнулась. В коридоре разверзся ад.

Израильтяне ударили из четырех стволов. Они использовали бронебойные пули калибра 5.7 мм со стальным сердечником. Стрелять в грудную пластину экзоскелета было бесполезно — титан легко держал этот калибр. Но оперативники Моссада, лишённые умных прицелов, продемонстрировали пугающую механическую точность. Они били точно в сочленения американской брони — в гидравлические поршни на коленях, в пучки кабелей под мышками, в стеклянные визоры шлемов.

Один из десантников ЦРУ покачнулся и рухнул на колени: пуля перебила шланг высокого давления на его правой ноге. Гидравлическая жидкость брызнула на стены, экзоскелет заклинило.

— Контакт на двенадцать часов! Засада! — взревел Хейс, не пытаясь укрыться. Броня для того и нужна, чтобы принимать удар.

Встроенный БО (блок орудий) экзоскелета ожил. Правый манипулятор выбросил вперед шестиствольный роторный пулемет ХМ556, который с диким визгом раскрутил стволы. В следующее мгновение узкий коридор заполнился стеной

свинца и огня. Скорострельность в четыре тысячи выстрелов в минуту превратила пространство в мясорубку. Титановые панели обшивки отлетали кусками, трубы лопались, рикошеты с визгом носились по воздуху, как рой взбесившихся шершней.

Израильтянам пришлось вжаться в бетонный пол, укрываясь за остатками переборок. Они были быстрее, но американцы буквально сносили укрытия вместе со стенами.

Горыныч наблюдал за этой бойней через акустические датчики, стоя глубоко внизу, в реакторном отсеке.

Его план сработал. Они сцепились намертво. Но экзоскелеты ЦРУ давали им слишком большое преимущество. Израильтяне скоро закончатся, и американцы спустятся вниз, сохранив почти полный состав. Нужно было уравнивать шансы. Нужно было погрузить их в хаос.

«Температура ликвора: 39.1°C. Расчет термодинамического удара», — пульсировало в мозгу.

Инженер пробежался виртуальными пальцами по схеме второго контура охлаждения. Прямо над головами сражающихся, под потолком коридора С-2, проходила резервная магистраль перегретого пара, идущая к системе термического размораживания ледовых опор. Температура пара внутри трубы составляла двести пятьдесят градусов, давление — шестьдесят атмосфер.

Горыныч не мог взорвать трубу силой мысли, но мог использовать физику. Он программно заблокировал перепуск-

ные клапаны АК (автономного климатизатора) на концах магистрали, превратив участок трубы над коридором в герметичный сосуд, и подал максимальный напор с турбин реактора.

Давление в трубе скакнуло до восьмидесяти атмосфер. Девяносто. Сто. Металл трубы над полем боя запел, деформируясь.

Хейс, поливающий свинцом позиции израильтян, не слышал этого звука за ревом своего пулемета. Командир «Кидона», пытавшийся перезарядить оружие онемевшими от чудовищной вибрации руками, тоже ничего не заметил.

На ста десяти атмосферах не выдержало фланцевое соединение — труба лопнула на стыке.

Взрыва не было. Был глухой, утробный хлопок, и узкий коридор мгновенно заполнился тысячами кубометров перегретого пара.

Невидимый, раскаленный до двухсот пятидесяти градусов газ ударил в пол, мгновенно расширяясь. Через долю секунды, столкнувшись с ледяным воздухом станции, он превратился в абсолютно непроницаемую, кипящую белую стену густого тумана.

Обе группы мгновенно ослепли.

Умные тактические визоры ЦРУ сошли с ума: тепловизоры показывали сплошное белое пятно, не в силах пробить стену кипящей воды, а лазерные дальномеры рассеивались в тумане на дистанции в полметра. Экзоскелеты предупре-

ждающе завывли, фиксируя критический перегрев внешних сенсоров.

Израильтянам пришлось еще хуже. Пар обжег их открытые шеи и лица, заставив отступить, кашляя и задыхаясь. Их аналоговое преимущество исчезло: стрелять через механический прицел в густом белом мареве было невозможно.

Стрельба прекратилась. Коридор погрузился в шипящий, обжигающий хаос, где тяжелые металлические големы ЦРУ и легкие тени Моссада ослепли и оглохли в равной степени.

Горыныч, чувствуя, как кровь снова начинает сочиться из носа, удовлетворенно кивнул. Перекрестное опыление прошло успешно. Теперь они убьют друг друга в рукопашной, вслепую, стреляя на любой звук.

Он повернулся к пульту управления реактором. Пора было переходить к главному блюду. Инженеру нужен был доступ к стержням защиты, чтобы запереть эту дверь изнутри навсегда.

Но на терминале горела красная надпись: *СИСТЕМА СУЗ ЗАБЛОКИРОВАНА. ТРЕБУЕТСЯ ФИЗИЧЕСКОЕ ИЗВЛЕЧЕНИЕ ПРЕДОХРАНИТЕЛЕЙ.*

Горыныч посмотрел на массивный стальной кожух активной зоны реактора. Чтобы получить полный контроль, ему придется лезть в радиационный контур своими руками.

Глава 9. Активная зона

Надпись на терминале в диспетчерской горела безжалост-

ным красным светом: *СИСТЕМА СУЗ ЗАБЛОКИРОВАНА. ТРЕБУЕТСЯ ФИЗИЧЕСКОЕ ИЗВЛЕЧЕНИЕ ПРЕДОХРАНИТЕЛЕЙ.*

Система управления и защиты (СУЗ) ядерного реактора — это святая святых инженерной паранойи. Ее архитектура писалась кровью Чернобыля и Фукусимы. Автоматика спроектирована так, чтобы при малейшем сбое — падении давления, скачке температуры или попытке программного взлома — мгновенно обесточить электромагниты. Тяжелые стержни-поглотители из карбида бора под действием гравитации рухнут в активную зону и намертво заглушат цепную реакцию.

Горынычу нужно было сделать ровно противоположное. Ему требовалось взять стержни под ручной контроль «Прометея», аппаратно отключив аварийную защиту. Только так он мог шантажировать штурмовые группы угрозой управляемого расплавления активной зоны.

Он оторвал взгляд от монитора и посмотрел на массивный цилиндр реактора, возвышающийся в центре зала за стеклом биологической защиты. Приводы СУЗ находились на самом верху, на стальной крышке аппарата.

В этот момент тензодатчики платформы, подключенные к его мозгу, передали серию хаотичных вибраций с верхнего яруса.

Там, в коридоре С-2, кипящий пар начал медленно оседать, превращаясь в густую, морозящую взвесь. Американ-

ская гидравлика одерживала верх над израильской ловкостью.

Капитан Хейс, чей тяжелый экзоскелет был покрыт вмятинами от бронебойных пуль 5.7 мм, тяжело шагнул вперед, сменяя бронированным ботинком брошенный пистолет-пулемет. Рядом с ним возвышался Спарки, его левая рука с дробовиком-взломщиком непрерывно сканировала слепые зоны.

Трое оперативников Моссада были мертвы — их легкая броня не выдержала прямых попаданий из крупнокалиберного роторного пулемета Хейса. В живых остался только командир «Кидона». Он был зажат в тупике возле вентиляционной шахты, его магазин был пуст, а левое плечо заливала кровь.

Хейс поднял манипулятор с пулеметом, с визгом раскручивая блок стволов, чтобы закончить работу.

И тут из технического люка в полу прямо за спинами американцев бесшумно выскользнула фигура в российском зимнем камуфляже.

Майор Кольцов, начальник службы безопасности платформы, не стал убежать на мороз. Он дождался, пока ЦРУ и Моссад свяжут друг друга боем, и вскрыл спецхран уничтоженной роты охраны. То, что легкие израильские пули не брали титан экзоскелетов, не означало, что американцы бессмертны.

На плече Кольцова покоился экспериментальный пуско-

вой комплекс «ШТОРМ», заряженный бронебойной НАР С-8ВЦ. Это было оружие нового поколения, созданное специально для замкнутых пространств и пробития тяжелой техники НАТО.

— Сюрприз, янки, — процедил Кольцов и нажал на спуск.

Рев выстрела в замкнутом пространстве едва не разорвал барабанные перепонки всем троим. Струя раскаленных пороховых газов ударила в стену, а ракета преодолела десять метров за долю секунды и врезалась точно в широкую спину Спарки.

Многорежимный умный взрыватель отработал идеально. Первый, кинетический импульс проломил титановую плиту экзоскелета, а второй, термобарический заряд, сдетонировал уже внутри бронированного кокона. Сверхзвуковая струя плазмы и чудовищное избыточное давление мгновенно выжгли Спарки изнутри, превратив экзоскелет в стальной крематорий.

Ударная волна искорежила коридор. Капитана Хейса швырнуло вперед, как тряпичную куклу. Осколки брони напарника посекали его спину, а тяжелый гидравлический привод на правой ноге лопнул, брызнув во все стороны густым машинным маслом.

Хейс рухнул на колени, но, подчиняясь вбитым на рефлекторном уровне инстинктам, развернул торс на сто восемьдесят градусов и дал длинную очередь вслепую, сквозь дым и пламя. Кольцов едва успел нырнуть обратно в люк, а

командир Моссада скользнул в боковой проход.

Глубоко внизу, в реакторной, Горыныч пошатнулся. «Прометей» транслировал этот чудовищный кинетический удар прямо в его вестибулярный аппарат. Инженер понял всё в ту же секунду: кто-то применил тяжелое противотанковое оружие. И этот «кто-то» точно знал, где лежит ключ от арсенала.

— Крыса вылезла из норы, — прохрипел Горыныч. — Кольцов.

Времени больше не было. Баланс сил снова изменился.

Инженер выхватил с пояса моток промышленного кабеля, накинул силовые скрутки шлема на его клеммы и намертво вбил вилку в распределительный щит на стене. Получив тридцатиметровый «поводок» с напряжением в 380 вольт, он толкнул свинцовую дверь и шагнул в гермозону реактора.

Воздух здесь был сухим и горячим. Запахло нагретым металлом и озоном. Горыныч начал тяжело подниматься по стальной лестнице, опоясывающей цилиндр реактора. Изодранные в вентиляции локти и колени вспыхивали острой болью при каждом шаге. Фреон внутри шлема продолжал с шипением стравливаться сквозь сорванный клапан, охлаждая закипающий мозг.

«Температура ликвора: 39.8°C. Частота сердечных сокращений: 175 ударов в минуту».

Он выбрался на техническую площадку прямо над крышкой реактора. Под его ботинками бушевали мегаватты ядер-

ной энергии. Перед ним находился круглый бронированный кожух системы СУЗ.

Инженер достал из кармана тяжелые пассатижи-бокоре-зы, вставил их рукоятки как рычаг в технический зазор ко-жуха и навалился всем весом. Металл заскрежетал. Суставы пальцев хрустнули, оставляя на стали кровавые отпечатки, но с громким лязгом защитная панель отлетела в сторону.

В лицо ударил сухой, обжигающий жар. И кое-что еще.

Горыныч мгновенно почувствовал на языке отчетливый, едкий металлический привкус, словно он сосал медную мо-нету. Биологическая защита была вскрыта. Ионизирующее излучение, пробивающееся сквозь щели из активной зоны, начало бомбардировать его тело.

«Внимание. Критический уровень гамма-излучения. Угро-за деградации графеновой матрицы», — бесстрастно сооб-щил «Прометей».

Радиация разрушала углеродные соты шлема. Синаптиче-ский мост начал искрить ошибками, перед мысленным взо-ром поплыли зеленые артефакты.

— Потерпи. Еще минуту, — Горыныч сплюнул вязкую ра-диоактивную слюну прямо на решетчатый пол.

Он засунул руки по локоть в хитросплетение механиз-мов. Там находились три массивных электромагнитных ре-ле — физические предохранители аварийной защиты. Ин-женер просунул бокорезы и перекусил силовые кабели удер-живающих электромагнитов, а затем с силой вырвал блок

первого реле из гнезда. Искры брызнули в лицо. Автоматика взвыла сиреной.

Сразу же полетело второе реле. Затем третье. Физический мост аварийной защиты был разрушен. Реактор ослеп.

Горыныч вытащил запасной диагностический шлейф и воткнул его напрямую в освободившиеся контакты шаговых двигателей стержней. Второй конец кабеля он подключил к сервисному порту на затылке своего шлема.

Удар данных был такой силы, что Горыныч упал на колени. Он больше не считывал показания реактора с мониторов — он *сам* стал реактором. Он чувствовал жар распадающегося урана как тепло в собственном животе. Стоило ему лишь мысленно дернуть фантомную мышцу — и шаговые двигатели послушно приподняли стержни из активной зоны. Мощность реактора скакнула с тридцати до сорока процентов.

— Идеально, — прошептал инженер. Металлический привкус во рту стал невыносимым, но сознание оставалось кристально ясным.

В этот момент интерфейс шлема отрисовал новые векторы движения наверху. Сквозь искореженный взрывом коридор С-2 к главной лестнице пробирались три фигуры.

Две из них были легкими и быстрыми — выживший командир Моссада и присоединившийся к нему Кольцов. Третья фигура отставала. Огромная, тяжелая, она хромала на перебитую правую ногу, волоча за собой кусок вырванной

обшивки, но упорно шла вперед. Капитан Хейс выжил после попадания из ракетного комплекса, и его ярость теперь была абсолютной.

Все трое спускались вниз. К реактору.

Мышеловка захлопнулась для всех. И ключ от нее теперь был не у Кольцова. Он был заперт в радиоактивном мозгу инженера Горыныча.

Глава 10. Протокол самоуничтожения

Тяжелая свинцовая дверь гермозоны с глухим лязгом встала на место, отрезая Горыныча от диспетчерской. Он повернул запорный штурвал, намертво блокируя вход изнутри. Теперь между ним и штурмовыми группами находился метр армированного бетона, слой свинца и узкое смотровое окно из стекла толщиной в ладонь.

Инженер привалился спиной к холодной стене тамбура и медленно сполз на пол. Тело отказывало. Обморожения, полученные в вентиляционной шахте, пульсировали тупой болью, покалывая тысячами иголок в оттаивающих пальцах. Во рту стоял стойкий вкус железа и меди — радиация из вскрытого реактора медленно, но верно убивала клетки его крови.

Но внутри шлема «Прометей» царила абсолютная, ледяная симметрия.

Горыныч закрыл глаза, полностью погрузившись в сеть станции. Тензодатчики передавали каждый шаг его преследователей.

Они спускались по главной лестнице на нижний уровень. Первым, проламывая погнутые перила, тяжело ступал капитан ЦРУ Джейкоб Хейс. Его экзоскелет ХОС-3 выглядел так, словно побывал под гусеницами танка. Правый коленный шарнир был разворочен взрывом, из перебитых магистралей толчками хлестала красная гидравлическая жидкость, оставляя на ступенях скользкий след. Но роторный пулемет на правом манипуляторе все еще угрожающе гудел приводами.

В десяти метрах позади, соблюдая дистанцию и держа Хейса на прицеле, спускались майор Кольцов и командир Моссада. Израильтянин двигался бесшумно, его левая рука висела плетью, перетянутая жгутом. Кольцов сжимал в руках укороченный автомат АК-12, а за его спиной болталась пустая тубус-труба пускового комплекса.

Они не стреляли друг в друга. Инстинкт самосохранения подсказал им, что узкий технический колодец лестницы — не место для перестрелки, где шальной рикошет или очередь из шестиствольного пулемета превратят в фарш всех троих. Они заключили временное, хрупкое перемирие, пока не доберутся до главной цели.

Горыныч почувствовал, как они вошли в диспетчерскую реакторного отсека.

Хейс тяжело хромя приближился к бронированному окну гермозоны. В свете аварийных янтарных ламп Горыныч, сидящий на полу по ту сторону стекла, выглядел жутко. Его белый халат был пропитан кровью и машинным маслом, ли-

цо покрывала грязная корка, а на голове матово мерцал раскаленный шлем, от которого тянулся толстый желтый силовой кабель прямо к щитку. И еще один, более тонкий шлейф, уходил от затылка инженера наверх, к крышке реактора.

Американец поднял пулемет и направил блок стволов точно в центр свинцового стекла.

— Эй, русская рулетка! — голос Хейса, усиленный внешними динамиками экзоскелета, исказился статикой, но прозвучал оглушительно громко. — Я знаю, что ты меня слышишь. Ты заперт. Открывай дверь и снимай свою каску, иначе я превращу это стекло в пыль вместе с тобой!

Подошедший Кольцов криво усмехнулся, глядя на американца:

— Это бронестекло с примесью оксида свинца, янки. Твой калибр его только поцарапает. Нужна взрывчатка.

Командир Моссада молча достал из разгрузки последнюю кумулятивную шашку.

Горыныч не пошевелился. Он даже не открыл глаза. Третьим потоком расщепленного сознания он обратился к системе громкой связи диспетчерской.

— Я бы не советовал этого делать, господа, — голос инженера зазвучал из всех динамиков под потолком одновременно. Он был ровным, лишенным интонаций, похожим на голос машины. — Капитан Хейс, майор Кольцов и безымянный гость из Тель-Авива. Вы находитесь в секторе с нулевым допуском.

— Кончай трепаться, урод! — рявкнул Хейс. Гидравлика его экзоскелета угрожающе завывала, когда он шагнул вплотную к стеклу. — Спарки мертв, моя броня протекает. Мне нечего терять. Открывай!

— Майор Кольцов, — голос из динамиков проигнорировал американца, обратившись к предателю. — Как начальник службы безопасности, вы обязаны знать протоколы СУЗ реактора. Посмотрите на терминал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.